

Олег Губарь

Энциклопедия забытых одесситов

«И в схватке рукопашной один он стоил двух»

Фамилия этого необыкновенного человека когда-то сохранялась в названии второстепенного переулочка старой Молдаванки, меж улицами Прохоровской и Комитетской. Прототип, впрочем, звался по-разному, причем даже в официальных документах: Третьким, Трететким, Третеским, Третесским, Трететским. Полковник Иван Егорович Третьцкий (1789-1853) известен специалистам в области региональной истории главным образом как командир Одесского батальона внутренней карантинной стражи. Подразделения подобного типа были сформированы в Таганроге и Одессе в соответствии с высочайше утвержденным 18 февраля 1818 года мнением Государственного совета «для предохранения от моровой язвы», то есть от чумы. Чинов карантинной стражи тогда и даже гораздо позднее именовали гвардионами, их уважали и одновременно опасались. Гвардионы носили специальную яркую амуницию и обязаны были пресекать всякие попытки проникновения посторонних в карантин, а равно вылазки оттуда лиц, проходящих обсервацию. Они даже имели право решительно применять оружие в случае неповиновения правонарушителей.

Как раз в пору службы Третьцкого командиром карантинной стражи, в 1845 году, Одессу посетила популярная в свое время русская писательница Олимпиада Петровна Шишкина, запечатлевшая весьма любопытные детали: «Перед нами и за нами шли с булавами гвардионы (сторожа). Все здесь служащие носят красные рукава, чтобы издали было видно, что они принадлежат к карантину, и не должно до них дотрагиваться; на офицерах

красные шарфы и красная перевязь на левой руке; часовые стоят с заряженными ружьями, готовые выстрелить в дерзкого, который вздумал бы уйти от надзора». И далее: «Чума была здесь в 1829 году, а потом в 1837. Одно это слово, как страшное привидение, должно смутить все умы, поразить все чувства! Теперь служба в карантине не труднее другой службы, но когда черное знамя возвещает, что в страшном чумном квартале есть жители, малейшая оплошность, неуместное сострадание могут погубить тысячи людей».

Чудовищные подробности чумных эпидемий приведены мной в очерке о докторе Капелло. Здесь считаю необходимым прибавить, что именно чины карантинной стражи в первую голову становились жертвами «моровой язвы». Так, в 1837 году в числе прочих от чумы погибли: карантинный надзиратель Иван Исаев и его супруга Анна, жена гвардиона Мария Куликова, рядовой карантинного батальона Тихон Дудин, отставной солдат карантинной стражи Никита Васильев, фельдфебель 2-й роты карантинного батальона Улыбкин и другие. Что касается Третецкого, он, что называется, ходил по лезвию ножа. И если в 1829-м занимался преимущественно карантинами, то в 1837-м по доброй воле параллельно исполнял обязанности комиссарского помощника в одной из частей города, то есть дополнительно подвергал себя опасности. В эти годы к боевым орденам прибавились... нет, не трудовые, а скорее награды за мужество и самоотверженность, в том числе – медаль за ликвидацию чумы 1829 года.

Мужества ему было не занимать. 16-летним юношей, юнкером, подольский дворянин Иван Третецкий участвовал в кавалерийской атаке под Аустерлицем. Раненный саблей в голову, недолго отлеживался, и с 1806-го по 1814-й год сражался во всех турецких, а затем европейских военных походах российской армии. Бывалые вояки с восторженным недоумением наблюдали, как бесстрашный мальчишка, едва получивший первый офицерский чин, совершает подвиг за подвигом. В 1809-м, прапорщиком, при штурме турецкого укрепления под Браиловым он осуществлял связь между главнокомандующим Молдавской армией, генералом от инфантерии Н.М. Каменским, и передовыми колоннами, под сильным огнем беспрестанно появлялся то на одном, то на другом участке пе-

реднего края. В том же году участвовал в боях под Исакчой и Тульчой. В следующем году оказался в жерновах еще нескольких сражений, отличился при взятии Базарджика, за что был награжден так называемым Базарджикским золотым знаком.

Направленный с командой в разведку к крепости Рушук, столкнулся с неприятельским отрядом, выполнявшим аналогичное встречное задание. Неустрашимо атаковал и опрокинул врага, переколов штыками 20 лазутчиков, за что получил орден Святой Анны 3-й степени с гравировкой «За храбрость». Буквально через несколько дней после захвата крепости Рушук, при селении Батине, ворвался в расположение турецкой артиллерийской батареи, где в рукопашной схватке собственноручно зарубил и заколол несколько неприятельских чинов. За неустрашимость и воинскую смекалку был пожалован орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом.

В грозном 1812 году, уже в составе армии адмирала П.В. Чичагова, отправился в поход против французов, участвовал в известном сражении на переправе через реку Березину. Снова отличился и получил чин поручика. В 1813-м воевал с французами уже в Германии, за очередные военные подвиги был произведен в штабс-капитаны, прошел еще несколько кровопролитных сражений, участвовал во взятии Гамбурга и в 1814-м вернулся в Россию.

Происходивший из мелкопоместных дворян Каменца-Подольского, Третецкий, как и многие другие офицеры, не имел должного для обеспечения семьи материального достатка. Молодой, отчаянный, он не задумывался о будущем, десять лет отдал бивуакам, получал, вероятно, лишь жалованье, не нажил ничего, кроме боевых ран. Если сравнить его карьеру со стремительным восхождением протежируемых, как говорили впоследствии, детей ответственных работников, мы заметим существенную разницу. Великосветские отпрыски за те же подвиги дослужились бы тогда как минимум до полковников.

У меня пока нет известий о дате женитьбы Третецкого, но берусь датировать ее косвенно. Во-первых, в 1821 году в том же Каменце-Подольском родился его сын Иустин (Юстин) Иванович, впоследствии очень известный военный инженер, изобретатель.

Во-вторых, в 1820-м Третьецкого взял под покровительство так называемый Комитет, высочайше учрежденный в 18-й день августа 1814 года. Институт эта, сформированная в годовщину победоносного для россиян сражения при Кульме (1813), занималась оказанием социальной помощи отставным воинским чинам – раненым, увечным, больным, неимущим. То есть Иван Егорович вынужден был прибегнуть к содействию благотворительной организации явно в связи с женитьбой.

Опять-таки, это мое предположение, но, полагаю, вполне обоснованное: Третьецкий появился в Одессе, очевидно, не без участия кого-то из его бывших воинских начальников, ветеранов турецких и наполеоновских кампаний. Вспомним, например, о том, что И.Н. Инзов был в тех же сражениях – при Березине и др., не говоря уже о М.С. Воронцове, долго воевавшем в составе Молдавской армии Каменского, и, несомненно, информированном о помянутых неординарных рукопашных схватках и юном герое. Во всяком случае, в 1826-1827 годах Иван Егорович служил комиссаром Одесского карантинного дома, в 1827-1829 гг. Воронцов доверил ему пост полицмейстера в Таганроге, а при появлении чумы Третьецкого перебросили на ответственный участок – управлять карантинными на Днестре: в Дубоссарах и Могилеве. В звании директора Одесского карантинного дома он устраивал временный карантин в Маяках. В эти годы генерал-губернатор также возлагал на неутомимого комиссара задания «по карантинному очищению возвращающихся из-за Дуная войск». Кроме того, имевшему опыт военных рекогносцировок и полицейских операций Третьецкому поручали розыск и задержание опаснейших степных разбойников, грабителей, аферистов и прочих рецидивистов, стремившихся пересечь границу, каковые поручения «он все исполнял успешно».

27 февраля 1833 года его назначили командующим, а 27 января 1834-го официально – командиром Одесского карантинного батальона. В этой должности Третьецкий оставался до самой своей кончины, за эти годы удостоен многих наград и чинов: произведен в полковники (1836), получил пенсию, ордена Святого Станислава 2-й степени (1849), незадолго до кончины – Святой Анны 2-й степени с императорской короной (1853), ранее – знак

отличия беспорочной службы за XXV лет (1830), серебряные медали в память 1812 года и вступления в Париж, золотую медаль «За прекращение чумы в Одессе 1837 г.» (1838) и др. Если бы Господь на два года продлил его дни, он получил бы редкостную награду – за 50 лет беспорочной службы.

При всем служебном рвении обремененный многочисленным семейством командир карантинной стражи вынужден был заниматься бизнесом, и уже в 1835 году устроил черепично-кирпичный завод на Молдаванской слободке. Это был один из двух лучших заводов подобного рода, и его продукция в 1837 году экспонировалась на Первой одесской художественно-промышленной выставке, приуроченной к визиту императорской четы. Согласно архивным документам, хутор на Водяной балке граничил с хутором небезызвестного графа П.А. Разумовского, причем первый владел им еще до окончательного переселения в Одессу, по крайней мере, в самом начале 1830-х. Во второй половине 1840-х здесь было только садоводческое заведение, лишенное каких-либо строений, а потому оно даже не подлежало оценке для платежа полупроцентного сбора в городской бюджет.

Дом Третьцкого стоял на углу Прохоровской улицы и переулочка, получившего его имя вскоре после постройки, и ранее 1848 года оценен в 1.428 рублей. Впоследствии в нем помещался съезжий дом IV полицейской части города, другое принадлежавшее ему строение (500 руб.) тоже находилось на Молдаванке, на Картамышевской улице. Как видим, недвижимость довольно скромная, хотя для этого района вполне пристойная. Место под этот дом Одесский строительный комитет отвел 17 апреля 1837 года, то есть не позднее весны 1839-го постройка должна была быть закончена. Супруга Третьцкого Марья Андреевна показала себя активной сотрудницей Женского общества призрения бедных в Одессе, куда вступила в 1836 году, она и унаследовала недвижимость мужа. К слову, малообеспеченный, в общем, Третьцкий и сам фигурирует в перечнях жертвователей в пользу бедных по разным поводам.

Еще живая деталь. Газетное объявление от 24 мая 1844 года сообщает об утере полковником либо его супругой «связки маленьких ключей». Нашедшего убедительно просят доставить

онье в их дом «на Молдаванке, за что получит приличное награждение».

Иван Егорович скончался 6 июля 1853 года нестарым человеком, в возрасте 64-х лет, погребен на Старом городском кладбище. Ни кладбища, ни могилы нет. То есть погребение, вероятно, сохранилось, но место это атрибуции пока не поддается. Одесская глава биографии Третецкого оказалась и деятельной, и счастливой. По крайней мере, он не очень нуждался, пользовался заслуженным уважением горожан и лаской начальства, был окружен и любим большим семейством. Дети не посрамили отцовскую честь. Один из сыновей, Владимир, служил под началом генерал-майора Ф.Ф. Крузенштерна, участвовал в кровопролитном сражении при Силистрии 29 мая 1854 года. Другой сын, известный военный инженер, в том числе теоретик воздухоплавания, пропагандист дирижаблей, подполковник (впоследствии генерал-лейтенант) Иустин Иванович Третеский (1821-1895), выпускник Главного инженерного училища и Инженерной академии в Петербурге, служил помощником начальника инженеров Одесского военного округа (1865); в этой же должности полковник (1866). В реестрах одесских домовладельцев и землевладельцев 1800-1820-х зафиксирован ротмистр Людвиг Третецкий – вероятно, родственник.

Переулок Третецкого с 1950-х именуется Банным. Убежден, он вернет себе прежнее имя, а парк Преображенский, разбитый в середине 1930-х годов на месте Старого кладбища, в конце концов, станет мемориальным, и в числе других на плитах будет высечено имя достойнейшего человека – Ивана Егоровича Третецкого. Вместе с инициативной группой старожилов – М.Б. Пойзнером, А.Ю. Розенбоймом, Ф.Д. Кохрихтом, Е.М. Голубовским, В.И. Хаитом и другими хорошими людьми – предпринимаем возможные усилия по реализации идеи создания мемориала. Присоединяйтесь!

